

Д. И. Писарев: об авторе.

Оригинал здесь: [Русский биографический словарь](#).

Писарев (Дмитрий Иванович) – даровитый критик, родился 2 октября 1840 г. в родовом селе Знаменском, на границе Орловской и Тульской губерний. До 11 лет он рос в семье, единственным любимым сыном; воспитывался под влиянием матери – бывшей институтки; к 4-летнему возрасту уже читал и бегло говорил по-французски. Мальчику пресечены были всякие сношения с крепостным народом; его готовили к блестящей светской карьере. Во время учения в гимназии (в Санкт-Петербурге) Писарев жил в доме дяди и воспитывался на его счет, окруженный той же барской обстановкой, как и в деревне. Он отличался образцовым прилежанием, беспрекословной покорностью старшим, по его собственному выражению, "принадлежал к разряду овец" и в 16 лет окончил курс с медалью, но с крайне посредственными знаниями и весьма невысоким умственным развитием. В автобиографической статье "Наша университетская наука" Писарев рассказывает, что при окончании гимназии любимым его занятием было раскрашивание картинок в иллюстрированных изданиях, а любимым чтением – романы Купера и, особенно, Дюма. "История Англии" Маколея оказалась для него непреодолимой, критические журнальные статьи производили впечатление "кодекса гироглифических надписей"; русские писатели были известны юноше только по именам. На историко-филологический факультет Писарев поступил не по сознательному выбору, а с единственной целью избежать ненавистной ему математики и юридической сухости. В университете Писарев томится под гнетом схоластики, именуемой чистой наукой, вынужден переводить немецкую книгу, содержание которой ему недоступно и неинтересно ("Языкознание Вильгельма Гумбольдта и философия Гегеля"), изнывать над переводом Страбона или, по рекомендации профессора, удовлетворять свое влечение к истории изучением первоисточников и чтением энциклопедического словаря. Впоследствии Писарев находил, что даже чтение "Петербургских" или "Московских Ведомостей", отнюдь не блиставших литературными достоинствами, принесло бы его умственному развитию гораздо больше пользы, чем первые два года университетской науки. Литературное образование также мало двигалось вперед: Писарев успел только познакомиться с Шекспиром, Шиллером, Гете, имена которых беспрестанно пестрели у него на глазах во всякой истории литературы. На третьем курсе Писарев принимается за литературную деятельность, в журнале для девиц – "Рассвет". На его обязанности лежит вести библиографический отдел; в первый же год сотрудничества он дает отчет об "Обломове" и "Дворянском гнезде". "Библиография моя, – говорит Писарев, – насильно вытащила меня из закупоренной кельи на свежий воздух". Университет оставляется с этих пор совершенно в стороне; Писарев решает не покидать литературного поприща. Библиографическая работа в девичьем журнале не могла, однако, отличаться особенной свободой. Писарев узнавал много фактов, запоминал чужие идеи, но лично оставался по-прежнему в "разряде овец". В статье: "Промехи незрелой мысли" "довольно крутой переворот" в умственном своем развитии Писарев относит к 1860 г., в статье: "Наша университетская наука" эпохой "умственного кризиса" называет лето 1859 г. Последнее определение следует признать более точным. Этим летом разыгралась романтическая драма, глубоко потрясшая Писарева, – несчастная любовь к двоюродной сестре. Ни сам предмет увлечения, ни родственники не сочувствовали этой страсти, и Писареву пришлось пережить жестокую борьбу с неудовлетворенным чувством. Страдание сделало для идейного движения Писарева гораздо больше, чем его книжные опыты. В одном из писем к матери он ставит свою сердечную неудачу в непосредственную связь со своими новыми настроениями. "Я решил, – пишет он, – сосредоточить в себе самом все источники моего счастья, начал строить себе целую теорию эгоизма, любовался на эту теорию и считал ее неразрушимой. Эта теория доставила мне такое самодовольствие, самонадеянность и смелость, которые при первой же встрече очень неприятно поразили всех моих товарищей". "В порыве самонадеянности" он взялся за вопрос из науки, совершенно ему чуждой. Это показывает, какую большую роль в мирозерцании Писарева играли аффекты. В его жизни нет истории нравственного мира, постепенно, шаг за шагом, вырабатывающего свое содержание, а есть ряд взрывов, немедленно отражающихся на идейном процессе писателя. Вчерашняя "овца" сегодня чувствует себя "Прометеем". Идиллическая покорность старшим внезапно сменяется неограниченным скептицизмом, доходившим до отрицания солнца и луны. Вся действительность производила на